

Т. А. ПАРИНОВА, О. А. ГОРДИЕНКО, В. Е. ЗИНЬКОВСКАЯ

КУБАНЬ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СЮЖЕТАХ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, ИНТЕРПРЕТИРОВАННЫХ ПОЭТАМИ XIX ВЕКА

(Лингвокраеведческий аспект)

В лингвокраеведческом ключе рассматриваются события на землях Тмутаракани (современной Тамани) в Средние века и их отражение в древнерусской литературе и литературе XIX века в целях формирования исторического осмысления бытности русских на Кубани, формирования любви к малой родине.

Ключевые слова: лингвокраеведение, памятники древнерусской письменности, анализ текста, методика преподавания литературы.

Коммуникативная компетенция учащегося складывается, как известно, из лингвистической и культурологической компетенций. Формирование последней мотивируется отношением к местной национальной культуре, знакомством с культурой региона.

О казачьей культуре написано достаточно много. Она изучается в школах и в вузах в рамках «Кубановедения» [1], с ней можно познакомиться на многочисленных этнографических выставках (как в музеях, так и под открытым небом). В то же время о древнерусской культуре на Кубани сведения минимальны и представлены в основном только в школьной программе [2]. Иностранцы студенты, приезжающие учиться на Кубань, не имеют возможности получить лингвокультурную краеведческую информацию, хотя главная задача обучения русскому языку как иностранному – воспитание дружественного отношения к стране изучаемого языка для последующего установления добрососедских отношений между странами, политической взаимоподдержки, что возможно только при понимании исторических особенностей развития страны изучаемого языка, причин отношения ее населения к определенным политическим событиям, особенностей национального характера и миропонимания. Лучший помощник в этом, кроме истории, – публицистика и художественная литература, которые выстраивают субъектно-субъектные отношения между автором и читателем, вызывают сопереживание и в результате через художественный образ рожают понимание национальной специфики мышления другого народа. Но если при изучении истории, обществоведения и др. наук такое понимание является абстрактно-логическим, то при чтении художественной литературы и публицистики оно личностно-ориентированное, внутреннее, формируемое в виде убеждения, на чувственном уровне, а не в результате выполнения логических операций. Посредством знакомства с русской литературой, созданной на Северном Кавказе и на Кубани и о Северном Кавказе и о Кубани, происходит становление знаний в области лингвокраеведения, краеведения, кубановедения.

Причем, учебная мотивация студентов в этом случае значительно выше – читаются тексты о местах, где иностранные студенты в настоящее время живут и учатся. При этом формируются не только навыки чтения русской художественной литературы, но студенты задумываются об исторической судьбе Кубани и Северного Кавказа – их новой «малой родины», их знания переходят в убеждения. Все это позволяет изучить историю Кубани и Северного Кавказа в яркой литературной интерпретации, укрепить позитивное представление о ней, сформировать этические и политические убеждения, а также позволит в дальнейшем на родине с пониманием и уважением относиться к России, к русским людям, защищать интересы России и Северного Кавказа на международной арене.

Работа, ведущаяся в этом направлении, представлена в уже опубликованных нами учебных пособиях по литературе Кубани начала XX века, адресованных иностранным студентам [3]. Но наибольшую ценность, на наш взгляд, представляет обращение к более древним культурным пластам, дающим возможность понять мироощущение народа и исторически сложившуюся в его сознании картину мира.

В ликвидации указанного пробела и заключается новизна проведенного исследования.

Нашей целью являлось выяснить, какие имеются сведения о Кубани и Северном Кавказе в древнерусской культуре, как они отразились в древнерусской литературе и каким образом можно построить работу по знакомству учащихся с историко-литературным прошлым нашего региона.

Поставленная цель позволила выделить задачи исследования:

- выявить памятники древнерусской литературы и их более позднее литературное оформление,
- изучить духовные ценности наших предков, представленные в этой литературе,
- описать и лингвометодически представить картину мира культуры Средневековья, сложившуюся в южном регионе России,
- подготовить для иностранных студентов из Ближнего и Дальнего зарубежья, обучающихся

на Кубани, учебное пособие, которое формирует у молодого поколения общечеловеческие ценности на основе знакомства с исторически сложившимися культурными ценностями региона, т.е. расширяет их общую культурологическую и краеведческую компетентность, формирует лингвокраеведческую ее составляющую.

Материалом исследования послужили два источника. Первым явился летописный свод 1073 года, на основе которого создавалась знаменитая «Повесть временных лет», представляющая собой особый памятник русской культуры – своеобразный историко-энциклопедический словарь, содержащий сведения об истории Руси, исторических личностях, войнах и пр. Вторым источником стало «Слово о полку Игореве», в которой представлена художественно оформленная культура Руси конца XII века, а культурные факты даны в интерпретации духовных ценностей предков.

Выбор этих источников не случаен.

Летописный свод 1073 года был создан церковным и политическим деятелем Киевской Руси, игуменом Киево-Печерского монастыря, канонизированным святым, древнерусским писателем и летописцем Никоном Великим (? – 1088 г.), самые активные свои 16 лет жизни проведшим на Кубани [4].

В результате распри среди высокопоставленных монахов Киево-Печерского монастыря Никон попал в немилость и в 1061 году вынужден был покинуть монастырь и уехать в изгнание в Тмутаракань – древнерусское княжество, находившееся на территории современной Кубани.

О том, что Никон занимался летописанием, говорится в «Житии Феодосия Печерского», составленном известным летописцем Нестором: «многожды бывало, что Никон сидит и делает книги, а Феодосий, сидя рядом, прядет нити, еже на потребу таковому делу».

«Повесть временных лет», которая дошла до наших дней и послужила источником многочисленных сюжетов русским писателям XIX–XX веков: Н. М. Карамзину, А. С. Пушкину, А. И. Одоевскому, А. К. Толстому и др.

Знакомство с историей мотивирует интерес учащихся, проживающих на территории Кубани, к изучению исторической энциклопедии, созданной Никоном. Им предлагается сказание о древнерусском князе Олеге, запечатленное Никоном, и талантливо пересказанное в стихах А. С. Пушкиным – «Песнь о вещем Олеге».

В ходе работы над лексикой произведения Пушкина обращается внимание на историзмы, способы создания высокого стиля, случаи полногласия / неполногласия, чередования гласных и согласных в корне слов. Для анализа используется следующая лексика: сеча, отрада, воитель, врата, недруг, кудесник, (плачевная) тризна, дружина, глава (кургана), броня (царьградская); бранное (поле), вещий, ретивый (конь), позлащенный; чують, внимать, поминать, сбираться, отмстить,

презреть (предсказание); вкруг (ног). Обращается внимание на обработанные Пушкиным народные песенно-сказочные выражения: любимец богов, волны и суша покорны тебе, дивная судьба, кормить отборным зерном, рубиться в битвах, почить непробудным сном.

Также проводится историко-литературоведческий анализ древнего сказания. Предлагается сравнить непосредственный текст «Легенды о смерти Олега» с многоплановым поэтическим текстом А. С. Пушкина. В летописном варианте [5], который дается в современной грамматической системе, находим следующее: когда Олег узнал о смерти коня, он посмеялся над кудесником и сказал: «Неправду молвят волхвы, все предсказания – ложь: конь умер, а я жив!» После сопоставления этого отрывка со стихотворным текстом А. С. Пушкина предлагается ответить на вопросы: Какая идея или серия идей положена в основу стихотворения А. С. Пушкина? Это идея недоверия к предсказаниям? Это идея возмездия за оскорбление высших сил? Это идея расплаты за поругание преданной дружбы и любви? Это идея бренности существования и безуспешности желаний человека распорядиться своей судьбой? Это иная идея? Докажите свое мнение, опираясь на текст.

Все это позволяет акцентировать внимание на почетном содержании древнерусской литературы.

Следующее произведение – «Слово о полку Игореве» – рассматривается также в лингвокраеведческом плане, как рассказ о событиях на земле Кубани в XII веке. Обращается внимание на одно из четко указываемых мест развития событий – уже известную Тмутаракань:

Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...

С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шелоном Дону,
Поискать себе Тмуторокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!

Текст «Слова» дается в одном из лучших вариантов, в поэтическом переложении А. Майкова, что позволяет читателю и почувствовать красоту и выразительность речи древних русичей и понять их внутренние установки. Но сначала текст анализируется с точки зрения места действия:

Высоко поднявшись по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван Тмутороканский!

Судя по тексту, действие охватывает достаточно большую территорию, с которой на битву с князем собираются хазары: реку Сула, левый приток Днепра, Корсунь (современное название г. Херсона, находящегося на Украине), Поморье (др.-рус. название побережья Белого моря), Сурожское море, т.е. Азовское море, которое носило такое имя по названию города Сурож – современный г. Судак в Крыму. Неверные (болваны) приходят сразиться с дружиной Игоря и с Тмутаракани, из Тамани, которая в XII веке, ко времени написания текста «Слова», уже была отчуждена от Древней Руси. И именно «поискать себе Тмутарокани», как следует из текста, уезжали из родительского дома молодые князья.

Во время прочтения текста «Слова» важно обратить внимание учащихся на образ автора, безымянного летописца XII века, который движется с дружиной Игоря, видит и описывает местность, в том числе и земли, на которых расположена сейчас Кубань: широкие реки, через которые так трудно перебираться, огромные дикие степи и густые леса, полные зверей и птиц, живущих своей, чуждой человеку жизнью: «свист звериный встал кругом по степи». Этот мир волнуется при вхождении в него человека, противопоставит человеку, опасен для него. И мы вслед за автором видим мир XII века глазами воина-всадника из маленького отряда княжеского войска.

Автор воспринимает мир иначе, чем мы, мифологически: в его рассказе действуют древние языческие божества Руси, которые предрекают события, управляют стихиями. Учащихся знакомят с этими существами в прекрасной интерпретации В. Васнецова, И. Билибина и других известных русских художников.

И в то же время человек XII века уже не раб обстоятельств, он пытается сам решать свою судьбу: его душа горит желанием поступать по справедливости, устраивать на своей земле мирную жизнь. И он осознает, что для этого нужно просто договориться сильным мира сего. И берет на себя эту тяжелую роль миротворца. Он обращается к князьям с призывом прекратить междоусобицы и объединиться перед лицом внешней опасности, чтобы защитить земли русские, в том числе и вернуть южнорусское княжество Тмутараканское («Поискать себе Тмутарокани»).

Позиция автора четко прослеживается в «Слове»:

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава...
Заградите острыми стрелами
Ворота на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном,
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!

В ваших сваргах первыми вы стали
Наводить на отчий край поганых!

Автор здесь предстает уже конкретным, социальным человеком, которого можно рассматривать в интеллектуальном и культурном контексте Древней Руси. Виден опыт его социальной деятельности. Он обращается к реальным историческим лицам, указывает на конкретные примеры, на исторических деятелей Руси. По сути дела, автор – состоявшийся трибун. Именно в этом проявляется воспитательное значение «Слова», призыв идет от предков, исторических жителей этих мест.

Обращается внимание учащихся и на так называемые «темные места» произведения. Строчка «Были веки темного Трояна» может быть понята по-разному. Учащимся предлагается следующая версия: Троян – древнерусское божество, по имени которого называли русскую землю «землей Трояней»; «века Трояна» – языческая эпоха первых русских князей до XI века (от Владимира Красно Солнышко до Всеслава Полоцкого). Но исследователи выдвигают и иные версии, например: Троян образуют от названия Трои, от имени римского императора, от прозвища одного из русских князей. Также неясно, какого из четырех известных князей Всеволодов имеет в виду автор «Слова», какие функции были у «стрибожих чад» детей (а по другим версиям – внуков) мифологического дохристианского бога (Стрибога), связанного, по-видимому, с ветром. Загадки «Слова» и его так называемые «псевдолексемы» мотивируют интерес учащихся к литературному памятнику.

При анализе текста обращается внимание на богатство языка, проявляющееся в использовании иносказаний: испить шелоном Дону; подсекали половцы им крылья, а самих опутали в железа; широко печаль течет по Руси; высоко поднявшись по древу, черный Див закликал. Указывается семантические повторы, связывающие текст: храбрая рать – ратный дух – распалиться славным ратным духом; храброе сердце – наострить отвагой храброй сердце; враги лихие – громить мечами вражью землю. Чтение текста предваряется знакомством с прекрасными работами русских художников, иллюстрировавших «Слово».

Задания дифференцируются в зависимости от уровня знания языка иностранца-старшекурсника из Дальнего зарубежья или иностранного студента первых лет обучения из Ближнего зарубежья.

Все это позволяет приобщить учащихся к ценностям древнерусской литературы и культуры, представить связь поколений, преемственность прогрессивных идей, сформировать коммуникативную компетенцию, а также лингвокультурологическую и лингвокраеведческую компетенции.

Литература

1. Ратушняк В. Н. История Кубани с древнейших времен до конца XIX века. Краснодар, 2011; Кубановедение: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений / под ред. Б. А. Трехбраторова. Краснодар, 2010.

2. История Кубани в русской художественной литературе (досоветский период): хрестоматия / сост. В. Б. Виноградов, О. М. Ларина, А. И. Садовская. Ч. 2. Армавир. 2004; *Виноградов В. Б.* История Кубани в русской художественной литературе (до начала 20 века): программа интегрированного курса для школ, гимназий и лицеев (10-11-е классы). Армавир, 1994.

3. Кубань литературная. Первая треть XX века. Лингвокраеведение: учебное пособие для иностранных студентов старших курсов. Краснодар, 2010; Кубань. Прошлое и настоящее: учебные материалы по краеведению и лингвострановедению для иностранных учащихся основного и продви-

нутого этапов обучения всех специальностей / сост. О. А. Гордиенко, В. Е. Зиньковская, Т. А. Парина. Краснодар, 1999.

4. *Бардадым В.* Литературный мир Кубани. Краснодар, 1999. С. 5.

5. Слово о полку Игореве: древнерусский текст и перевод / вступ. ст., пер., коммент. В. З. Исакова. Тверь, 2009; *Савельев В. С.* Коммуникативное событие глазами древнерусского автора (На материале «Повести временных лет») // Русский язык: Исторические судьбы и современность: материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2007. С. 86.

**T. A. PARINOVA, O. A. GORDIENKO, V. E. ZINKOVSKAYA. KUBAN AND NORTH CAUCASUS
IN POTS FROM OLD RUSSIAN WRITING RECORDS, INTERPRETED BY THE POETS OF XIX CENTURY
(Regional linguistic aspect)**

The article represents a linguistic and ethnographic study of some events happened in Tmutarakan (modern Taman) during the Middle Ages and their reflection in the Old Russian literature and the 19th century literature with a view to generate a historical understanding of the Russians living in Kuban and to cultivate love for their small homeland.

Key words: *linguistic and ethnographic study of the region, monuments of the Old Russian literature, text analysis, methods of literature teaching.*

С. В. ГАВРИЛОВА

**СОТРУДНИЧЕСТВО БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ И АРХИВОВ В ОБЛАСТИ
ИНТЕГРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ**

В статье проанализирован опыт взаимодействия Донской государственной публичной библиотеки с библиотеками, музеями и архивами Ростовской области, представлен региональный проект по формированию национального репертуара электронных ресурсов – Донская электронная библиотека (ДЭБ).

Ключевые слова: *Донская государственная публичная библиотека, Донская электронная библиотека, интеграция информационных ресурсов.*

Фонды музеев и архивов наряду с фондами библиотек играют важную роль в сохранении культурно-исторического наследия государства: эти объекты выполняют функции краеведческой памяти, представляя историю края или области как неотделимое звено истории страны. Такой подход является основой для формирования интереса к своей малой родине, способствует развитию регионального туризма.

Тенденция роста объемов информационных ресурсов ставит задачи кооперации в области систематизации и предоставления их широкому кругу пользователей. Развивающаяся навигационная функция учреждений культуры помогает сориентироваться в огромном потоке информации. Библиотеки, музеи и архивы являются держателями особо ценных видов информации, материальных и нематериальных памятников культуры и литературы. Они не стоят в стороне от современных условий развития коммуникаций и также вовлечены в поток информирования. Поэтому создание единого информационного пространства не может существовать без объединения информационных ресурсов этих институтов культуры.

Предоставление в пользование своих ресурсов с учетом действующего законодательства, выведение объединенных баз данных в сеть Интернет – одна из главных задач информационной политики любого института, ориентированного на удовлетворение информационных потребностей пользователей. В современных условиях библиотеки ориентируются на удаленных пользователей и создание электронных библиотек. Становится очевидной «борьба за выживаемость» между библиотекой и паутиной Интернет. Но библиотеки по-прежнему останутся одним из главных хранилищ памяти и единственным местом коммуникации – живого общения в системе «пользователь – запрос – библиотекарь – качественная информация (ответ)».

Мемориальную функцию выполняют также и архивы. Однако на практике видно, что обращаемость к фондам библиотек больше, нежели к фондам архивов. А ведь архивные материалы знакомят людей с неизвестными страницами истории, помогают открыть новые факты. Главная задача архивов – с помощью документов, хранящихся в фондах, удовлетворить потребности в

6. Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки...
7. Там же. С. 40–41, 71.
8. Арсеньева Е. В. Старинные узорные ткани России XVI – начала XX века: Из фондов Государственного Исторического музея. М., 1999. С. 38; Ивановские ситцы / сост. Е. В. Арсеньева. Л., 1983. С. 15.
9. Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет: Иллюстрированная энциклопедия. Т. 2. СПб., 2006. С. 60.
10. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1908. № 151. С. 3.
11. Ивановские ситцы...; Арсеньева Е. В. Старинные узорные ткани России ... С. 54.
12. Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // Советская этнография. 1954. № 2. С. 46, 53; Булгакова Л. Деякі конструктивні та художні особливості традиційних сорочок Полісся першої половини XX століття // Народознавчі Зошити. 1996. № 2. С. 199.
13. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988. С. 146; Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки...
14. КОВ. 1902. № 94. С. 4.
15. КОВ. 1908. № 102. С. 4.
16. КОВ. 1902. № 189. С. 3; 1908. № 153. С. 3.
17. Рудин Н. Г. Павловские шали. М., 1979. Ил. б/н; Русские шали: Из коллекции Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника и Московского производственно-платочного объединения г. Павловский Посад Московской области / сост. Г. А. Макаровская. М., 1986. С. 107.
18. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. V. СПб., 2007. С. 194.
19. Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга... С. 94.
20. Будур Н. В. Вышивка по канве и бисером. М., 2001. С. 104.
21. Там же. С. 116–130.
22. Дух символизма. Русское и западноевропейское искусство в контексте эпохи конца XIX – начала XX века. М., 2012. С. 9.
23. Білоус Л. С. Брокарівський стиль в українському народному вбранні др. пол. XIX – поч. XX ст. // Народний костюм як виразник національної ідентичності: збірник наукових праць. Київ, 2008.

**L. Y. BRYLOVA, N. A. GANGUR. FLORAL STYLE IN EMBROIDERIES OF SOUTHERN RUSSIA
LATE XIX – EARLY XX CENTURY
(The problem of genesis motives)**

Analyzing common floral motifs in folk embroidery on fabric interior appointments, the authors reveal the genesis of motifs and draw parallels with similar motives in products of Russian textile mills late XIX – early XX century.

Key words: *rushnyk / towel, cross-stitching, floral motifs, Russian style, «soap» patterns.*

С. Р. ДЖЕНИЯ

СЕМАНТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА АБХАЗОВ

Статья посвящена проблеме семантики погребального обряда абхазов, связанной с идеей смерти как перехода к иной форме существования и ставшей парадигмой для всех обрядов жизненного цикла. Особое внимание уделено причитаниям как важной части ритуала.

Ключевые слова: *погребальный обряд, мировосприятие абхазов, антиномия жизнь / смерть, причитания.*

Погребальный обряд абхазов, сохранившийся до нашего времени, – одна из ярких традиций нашего народа. Это целая система ритуалов, верований и представлений о жизни и смерти, выраженная в народных приметах, поверьях, сказаниях, мифах и песенном творчестве. Исследование таких аспектов похорон, как их значение и сущность актуализирует философские проблемы смысла жизни, личности и многие другие: для человека пытаться определить, что составляет ее истинную природу, особенно в контексте неизбежной смерти.

Прежде всего важно изучить суть похорон с философской точки зрения. Их значимость

состоит в том, что это ритуальная церемония, обладающая важным социальным, символическим, общественным и индивидуальным воздействием. Можно сказать, что в первую очередь похороны выполняют особую социальную функцию, так как позволяют выразить свою скорбь в контексте социума. В психологии скорби изначально заложен выход боли и страдания, связанных с потерей близкого человека, и похороны являются наилучшим социальным решением этой проблемы.

Кроме того, на похоронах окружающие получают возможность разделить эту скорбь вместе с близкими усопшего. В ходе проведения церемонии смерть отдельного человека становится

Трибуна молодого ученого

А. И. АРТЮХОВ

ПРОБЛЕМА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ И СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Затрагивая вопрос о сущности и предназначении человека, автор анализирует основную антиномию феномена человека – соотношение биологического и социального – и указывает на неполноту междисциплинарного подхода при рассмотрении духовной составляющей личности.

Ключевые слова: человек, личность, сущность человека, предназначение человека.

Предметом наших интересов является вопрос о предназначении человека. Актуальность этого вопроса очевидна. Если мы, в Интернете, в поисковике наберем словосочетание «предназначение человека», то обнаружим тысячи статей. И не только статей. Мы обнаружим множество рецептурных и инструментальных предложений, порой ошарашивающих своей предприимчивостью. Уже на первой странице поиска нам предлагают сделку: «Найти предназначение за 4 часа! Со скидкой за 3950 руб! Узнайте!» [1].

При этом понятие «предназначение человека» ассоциируется с понятиями «миссия», «самореализация», «свобода», «призвание», «уверенность в себе», «самоактуализация», «познание себя», «гармония», «дхарма», «голос души», «смысл жизни».

Как видим, проблема ставится в аспекте смысловости жизни человека. Этот вопрос можно отнести к главной мировоззренческой проблеме о смысле бытия и смысле человеческого существования. Но постановка вопроса о смысле существования в этом случае производится в определенном ракурсе. Недаром в «Новой философской энциклопедии» [2] мы не найдем такого концепта в чистом виде. Мы обнаруживаем понятие «предопределение» [3], «предопределение в арабо-мусульманской философии» [4]. Однако мы встретим там понятия «дхарма» [5], «карма» [6], которые содержат в себе элементы естественного и нравственного закона, нормы, цели, воздаяния.

С нашей точки зрения, понятие предназначение, с одной стороны, действительно содержит некую предопределенность, априорно заданный смысл, цель, норму. С другой стороны, предназначение не в полной мере фаталистично и предполагает стремление его найти, познать, угадать, раскрыть. И что особенно примечательно, что поиск предназначения – это как бы поиск своей гармонии в Мире, Космосе, Универсуме. Однако точку отсчета при анализе этой проблемы надо искать, идя по пути соотношения с понятием сущности человека. Поэтому для нас важно осознать человека как предмет познания, его сущность. Более того, осознание этой проблемы имеет особое значение для всех частей философии, ибо, как писал Н. А. Бердяев: «Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира» [7].

Стереотипное решение проблемы сущности человека для отечественной философии в рамках исторического материализма XX века было дуалистично: природа человека биосоциальна, а сущность – социальна [8]. В этих социоцентричных построениях биологическая «природа» считалась податливой социальным нормам и установкам и предназначенной для обслуживания социальных процессов. Это в целом соответствовало традициям рационализма.

Классическая философия, даже если и говорила о телесности человека, как Фейербах, Локк [9], то сущность все равно относилась к разуму, а основными атрибутами личности считала разум и рефлексию и себестождественность (идентичность). Классики рационализма, Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Г. Лейбниц связывают понятие личности как с разумностью, просвещенностью, так и со способностью достигать всеобщности, трансценденции, что предполагает несводимость личности к ее эмпирическим проявлениям телесности.

В гегелевской антропологии индивид как личность включен в диалектику развития Мирового духа [10], благодаря Духовности возникает связь индивидуального и мирового процесса [11]. В своем временном движении высшая «личность» приобретает качества особенности – сознания, внутренней свободы и воли, конкретизируемые в государстве, владении собственностью, гражданском и уголовном праве, семье, любви, дружбе, нравственности. В своем самоосуществлении индивид присваивает себе бессознательно вырабатываемую в труде и борьбе культуру, и в борьбе за нее не на жизнь, а на смерть обретает свободу [12]. В борьбе самосознаний обнаруживается «господин», победивший и не убоившийся смерти, и «раб», для спасения себя согласившийся с подчиненным состоянием, превратившийся для хозяина в «вещь». Господин использует раба и его труд, и это делает господина зависимым и от вещей, и от «другого», лишая его самодостаточности и самосознания [13]. Целью, идеалом истории становится свободная индивидуальность, а подлинная индивидуальность превращается во всеобщую тотальность («движение индивидуальности есть реальность всеобщего»).

В антропологии К. Маркса, во многих иницируемой как Гегелем, так и фейербаховской борьбой